

Социальные сети в несетовом социуме (О биополитике, историзме и мифологии русских социальных сетей)

ДМИТРИЙ ГОЛЫНКО-ВОЛЬФСОН
*Санкт-Петербургский Университет Кино и Телевидения, Российская
Федерация*

Социальные сети в поисках этно-культурного отличия

Социальные сети на базе компьютерных технологий возникают и распространяются в Рунете (русскоязычном сегменте мировой паутины) с относительно небольшим запаздыванием (примерно лет на десять) по сравнению с их западными предшественниками. Сайт «Одноклассники.ru» учреждается в 2006-м году, ровно через одиннадцать лет после открытия своего знаменитого предтечи, веб-ресурса «Classmates.com», разработанного Рэнди Конрадом, владельцем компании Classmates Online, Inc. Но десятилетнее опоздание не просто вынужденная – по причине нехватки технических ресурсов – задержка в синхронизации, а мощный содержательный фактор: русские социальные сети ориентированы не на *техно-утопизм* 90-х, а на *техно-прагматизм* 2000-х. Эти термины, обладая множественным концептуальным содержанием, указывают на два важнейших направления в развитии современной медиа-теории – утопическую веру в технологические инновации, представленную авторами калифорнийского журнала Wired и его редактором Кевином Келли, и (приходящий ей на смену) практический и утилитарный подход к новым технологиям. В 2000-ые место техно-утопических чаяний отчасти занимает технореализм, связанный с кругом проблем и корректив, которые вносят биоэтика, робототехника и нанотехнологии.

Здесь следует оговорить, что далее речь пойдет именно об имманентной специфике социальных сетей и о степени сочетаемости их глобальных и локальных версий. Рассматривая различные социо-культурные аспекты сетевого взаимодействия, я главным образом буду говорить о теоретических обоснованиях этого нового явления и в меньшей степени останавливаться на конкретных феноменах или заниматься углубленным case study, поскольку сам, так сказать, «исследовательский материал» еще находится в состоянии постоянного «брожения». Так, например, буквально во время редактуры этого текста значительная часть пользователей русскоязычных сетей

завела себе аккаунты на «Facebook» (будучи зарегистрирован и «ВКонтакте»), и на «Facebook», я сам смог наблюдать динамику, с которой некоторые знаковые фигуры русской художественной среды или академической элиты в первой половине 2009-го года стали обращаться к «Facebook» как к одному из самых оперативных способов электронной коммуникации, - примером чего служит страница галериста и политтехнолога Марата Гельмана, ставшая не только персональной «визитной карточкой», но и значимой информационной площадкой). Очевидно, это мотивировано большей защищенностью «Facebook» этой сети от спамерских атак; правда, пока преимущественно задействован ее русскоязычный интерфейс и акцент на международное общение все-таки отходит на второй план по сравнению с установкой на партнерство и компанейство внутри одной языковой среды.

Пик популярности социальных сетей в России приходится на эпоху, связываемую с путинской стабилизацией и стремительным ростом нефтяных сверхдоходов. Провозглашаемый в масс-медиа экономический подъем приводит к нарастающей политической апатии, в результате чего феномен активного взаимодействия в публичной сфере оказывается практически заморожен или приравнен к увеселительным формам досуга. Таким образом, прогресс развлекательных социальных сетей в Рунете сопровождается упадком реального сетевого сотрудничества и постепенным исчезновением свободного обмена мнениями. Интернет в контексте путинской идеологии управляемой демократии частично выступил не консолидирующей силой, способствующей объединению маргинальных и субкультурных меньшинств, а средой идеологического манипулирования, иначе говоря, идеологическим аппаратом государства в терминологии Луи Альтюссера (Althusser 1994). Используя методы электронной управляемости, Интернет в России отчасти оказывается проводником спущенной сверху *модели жизнеповедения*, которая навязывает культ комфортного потребления информационных товаров и услуг, беззаботного «репрессивного гедонизма». Но вопрос о том, препятствуют ли активно внедряемые стратегии электронного управления (e-governance) сплоченной сетевой солидарности или, наоборот, стимулируют появления новых протестных зон автономии (упомянем здесь сетевое руководство уличными флэш-мобами или возникновение лево-ориентированных рассылок, платформ и фэнзинов вроде ««Grundrisse» [http://groups.yahoo.com/group/The_Grundrisse/] и «Что делать?» [<http://chtodelat.org/>]) – вопрос открытый и требующий отдельного рассмотрения.

На рубеже 1990-х и, особенно в начале-середине 2000-х в результате обеспечения массового доступа к высокоскоростному Интернету (преимущественно, в мегаполисах типа Москвы и Санкт-Петербурга) в системе культурного производства утверждается целый ряд новых феноменов, затрагивающих одновременно и эстетику текстопорождения, и этико-политические проблемы. В частности, это интернет-журналистика, теория и практика гипертекста, а также сетевая литература (сетература), к сожалению, так и оставшаяся нереализованным, хотя и потенциальным утопическим проектом (Алексрома бг.; Андреев 1998; Горчев 2000; Караковский 2005; Шмидт 2001). Ситуацию середины 2000-х возможно охарактеризовать как период содержательного кризиса русской блогосферы. Блоги предстают подобием кухонного междусобойчика, не «заточенного» на активные социальные

преобразования. Многочисленная в крупных городах «блоггенция» (компьютерная интеллигенция, привыкшая манифестировать себя и свои интересы посредством сетевого общения) сталкивается с исчерпанностью ресурса новизны и тематического репертуара, заложенных в системе сетевых дневников и журналов (Майзель 2003).

Либеральный миф об Интернете как проводнике низовой, спонтанной демократии и среде формирования автономных сообществ в России не срабатывает, а порой оборачивается полной противоположностью. В 2000-ые Интернет столь же планомерно, как печатные СМИ или телевидение, навязывает государственнические изоляционистские тренды и ценности тотального контроля (достаточно пронаблюдать за интернет-активностью, проводимой Фондом эффективной политики под руководством Глеба Олеговича Павловского и под эгидой «Русского журнала» (<http://russ.ru/>)). Мало того, Интернет прививает истерическую потребность в тотальном слежении даже на персональном уровне – одна из навязчивых спам-реклам предлагает загрузить шпионскую программу, позволяющую отследить передвижения родных и близких по сигналу их мобильного телефона.

Русский Интернет осуществляет виртуальную цензуру методами *виртуального энтертейнмента*, путем внедрения и рекламы все новых и новых развлекательных веб-сервисов, игровых порталов, фото и видеохостингов, чатов знакомств и файлообменных серверов. Принцип обязательного «наслаждения жизнью», проповедуемый службами русского Интернета, обретает дополнительную поддержку и платформу в виде технологии Web 2.0, позволяющей самим пользователям проектировать архитектуру сайта с точки зрения наполнения его тем или иным контентом и выстраивания цепочки «дружеских» взаимодействия с предпочитаемыми пользовательским группами.

Web 2.0, методика проектированная интерактивных систем, предложенная Тимом О'Райли (O'Reilly 2009) с целью беспрепятственного распространения хранящейся в открытом доступе информации и утверждения программы Creative Commons, способствовала появлению в Рунете ряда социальных сетей («ВКонтакте», «Одноклассники», «МойКруг», «Мой Мир», «Привет.ру» и др.). Если, условно говоря, «западные» социальные сети призваны отстаивать принципы пиратской экономики знаний (Andersson 2009) и сопротивления неолиберальным условиям труда, будучи площадкой для тех, кого Андре Горц называет «диссидентами цифрового капитализма» (Горц 2007), то русские сети предназначены для конструирования искомой (и отсутствующей) идентичности путем погружения в развлекательную среду имиджевых стратегий и ролевых игр.

Два признанных хедлайнера среди русских социальных сетей – практически одногодки: «ВКонтакте» родился 1 октября 2006 года (дата официальной регистрации доменного имени), а «Одноклассники» запущены 4 марта того же года. Собственно, между этими двумя крупнейшими компаниями и разворачивается ожесточенное конкурентное состязание, причем в 2009 году счетчик зарегистрированных пользователей («ВКонтакте» их более 35 миллионов) тикает уже не в пользу ранее лидировавших «Одноклассников». Среди столь же топовых, но чуть менее раскрученных сетей-многомиллионников выделяется «МойКруг», стартовавший 18

ноября 2005 года и в 2007 году приобретенный компанией Yandex, и «МойМир», открытый 17 мая 2007 года и повешенный на портале Mail.ru.

Один из узловых вопросов, возникающих при изучении социальных сетей в России, - оправданно ли считать их вторичными клонами сетей западных или они все-таки достаточно самобытны? «ВКонтакте» подражает «Facebook» в плане дизайна сайта и устройства пользовательского интерфейса). «Одноклассники» воспроизводят коллегальность сайта «Classmates.com», поскольку ориентированы на поиск бывших коллег по работе или по учебе, связь с которыми была потеряна много лет тому назад и обнаружение которых гарантирует осмысление своей собственной состоятельности (успешности или неуспешности) в настоящем в результате сравнения частных биографий и жизненных путей. «МойКруг» повторяет функциональность сети «LinkedIn», где деловые связи и знакомства завязываются по мере разнесения «друзей» по разным уровням близости. «МойМир» дублирует архивный характер портала «MySpace», где заведший персональную страницу пользователь может хранить фото и видеоальбомы, выстраивая рейтинговую систему фаворитов и собственную иерархию вкуса. Таким образом, репродуктивный, клонированный характер русских сетей становится вполне очевидным. Но при всей своей шаблонности социальные сети в России обладают уникальной мифологической нагрузкой, будучи встроены в бытовые и ментальные контексты постсоветской реальности.

Например, «ВКонтакте» изначально ассоциируется с петербургским, художественно-богемным образом жизни. «Одноклассники» сопоставляются с московским, менеджерским и офисным типом социальных отношений, более коммерчески успешным, но не столь богатым событиями, эмоциями и приключениями (руководство многих фирм специально запрещает своим сотрудникам доступ к «Одноклассникам» в рабочее время). Такое противопоставление надумано, но крайне симптоматично. Одна сеть – «ВКонтакте» - оказывается носителем прозападных, цивилизационных и просветительских ценностей социального общения. Она базируется на относительно свободном выборе политических и религиозных взглядов и на готовности субъекта к точной и внятной артикуляции своих предпочтений. Зато другая сеть – «Одноклассники» - становится выразителем принципиально иной геополитической тенденции. Она отражает азиатскую, деспотическую и обскурантистскую сторону социальных отношений, нередко с уклоном в криминальные сюжеты (пользователи на форумах предупреждают, что этой сетью пользуются банковские коллекторы для отлова злостных должников, а также мошенники, проворачивающие виртуальные сделки с недвижимостью – см. например форум.проц.ру [<http://forum.proc.ru/index.php?showtopic=40114>]).

Разумеется, эти социальные сети, а также их многочисленные «реплики», равно содержат не только западнические, но и реставрационные устремления, свидетельствующие о консервативных, ура-патриотических воззрениях зарегистрированных на них пользователей. Борис Гройс в книге «Под подозрением» говорит о феноменологии современных медиа, под глянцевою медиальной поверхностью скрывающих темную и непостижимую субмедиальную глубину, постоянно угрожающую вырваться наружу и разрушить внешне respectable порядок вещей (Гройс 2006, 57-70). Русские социальные сети обладают

фешенебельной *медиа*льной внешностью и при этом в своих *субмедиа*льных глубинах прячут опасные и разрушительные импульсы, подчас мистического, анархического или фашизоидного толка.

Иными словами, в русских сетях есть неосознанный элемент непредсказуемости, причем непредсказуемости вредоносной. Таким образом, русские сети оборачиваются полем интенсивного поиска некоего специфического этно-культурного отличия, локализованного не в сфере рационального опыта, а в области мистико-эзотерических поверий или почвеннических предрассудков. Недаром в Рунете такое изобилие развлекательных сервисов, предлагающих оккультно-астрологические прогнозы, допустим, вычисления дня смерти или точной даты конца мира (вообще, благодаря эсхатологической тональности большинства новостных лент и баннерных реклам Рунет подчас напоминает пространство взбесившегося коллективного подсознательного).

Подобный избыток большей частью примитивной и дешевой эсхатологии в русских социальных сетях приводит не к аккумуляции общего визионерского опыта, а к обратному результату. К тревожному осознанию дефицита потустороннего, недосказанного и загадочного, особо заметному и острому именно при перегруженности обскурантистской символикой (см. например сайт «2012 год – конец света» [<http://2012god.ru/>]). В пространстве развлекательного веб-портала, где предполагается облегченный и необременительный формат общения, нередко чувствуется атмосфера встревоженной растерянности, препятствующая слаженному коммуникативному обмену.

Политический брендинг и аполитичный досуг

Представители различных возрастных, профессиональных и социальных групп, руководствуясь самыми несхожими мотивациями и стимулами, ежесекундно заводят себе аккаунты на многочисленных сетевых платформах. Считается, что целевая аудитория социальных сетей в России состоит из молодежных субкультур и виртуальных подростковых тусовок, объединенных наподобие фан-клубов по интересам (Omel'chenko, Elena and Ul'iana Bliudina, 37-38). Тем не менее, в сетях регулярно возникают и множатся профили политических лидеров или статусных культурных фигур, чаще всего поддельные, а иногда и подлинные. Разумеется, максимальным количеством сетевых двойников обзавелись первые лица государства, находящиеся у вершины «вертикали власти», президент Д.А. Медведев и премьер-министр В.В. Путин (см. <http://vkontakte.ru/id53083705> и <http://vkontakte.ru/id58540600>).

Кроме того, в самом Рунете на форумах и чатах распространена шпионско-конспирологическая версия, что социальные сети в России разрабатываются при содействии и под надзором ФСБ. Что еще раз показывает, насколько формы электронно-компьютерного взаимодействия отождествляются здесь с фактором контролирующего вмешательства со стороны властных ведомств. Иногда социальные сети действительно используются при организации флэш-мобов, протестных выступлений оппозиции и несанкционированных уличных шествий (о роли координирования через Интернет см. на сайте партии «Яблоко»

(http://www.yabloko.ru/Publ/Book/Yashin/protest_004.html)); но такая координирующая роль у них скорее факультативная и заметно уступает основной функции – *дизайну аполитичного и расслабленного досуга*. В памфлетном очерке нравов, царящих на сайте «Одноклассники», Евгения Пищикова задается вопросом, кого все-таки здесь разыскивают, друга-Вована или заоблачную Дульсинею? По ходу своего расследования, она показывает, что для денно и ночно взыскующих взаимопонимания посетителей этого сайта существует серая и скучная «взрослая половина» жизни и яркая территория любви и равенства, достигаемая только в виртуальном общении (Пищикова 2008). Безусловно, для большинства пользователей социальная сеть – это *фантастическое дополнение и замещение* недостижимого в реальности. В терминах лакановского психоанализа, социальные сети «бомбардируют» пользователя образами Воображаемого, воображаемого публичного успеха или воображаемой любовной связи, с тем, чтобы скрыть от него «подлинное лицо» Реального, того чудовищного и зловещего, что заложено в самой «сердцевине» символического порядка (Lacan 1966, 11-61). Кроме того, социальные сети изобретают способ конструирования сетевой идентичности, приобретая при этом *политическое, рекламно-маркетинговое и технологическое* измерения. Пожалуй, проблематика *политического* в них особо заострена в силу их массового развлекательного характера.

О политическом значении социальных сетей размышляют Александр Гэлловэй и Юджин Тэкер, полагая их ареной борьбы суверенной власти Империи и сетевой солидарности Множеств, – при этом они аргументировано отсылают к политическим метафорам из книг Майкла Хардта и Антонио Негри «Империя» и «Множества» (Galloway, Thacker 2007, 6-12). В трактовке Гэлловэй и Тэкера модус политического в социальных сетях это не столкновение суверенности власти и сетевого сопротивления, а конфликт двух противоположных типов сетевых сообществ. Такой конфликт порождает то, что Гэлловэй и Тэкер называют сингулярной суверенностью, то есть суверенностью не авторитарной власти, а самого принципа сетевого взаимодействия (Galloway, Thacker 2007, 21, 22). Учитывая, что современная российская власть в отличие от советского тоталитарного режима управляет не приказами и запретами, а рекомендациями и предписаниями, стоит заметить, что социальные сети в России оказываются зонами приложения сингулярной суверенности.

Такая суверенность трудноуловима, поскольку пользователь постоянно получает противоречивые команды из разных властных источников и воспринимает власть расщепленной в психотическом ключе. Иными словами, в политическом ракурсе социальные сети в России выступают не столько зонами персональной автономии, сколь местом рождения новой властной суверенности, невидимой, прозрачной, но незамедлительно требующей послушания и дисциплины (см. Vartanova 2004). Социальные сети *политичны*, и они взаимодействуют с конкретной социальной реальностью не как с определенной «точкой сборки» командно-административных норм, а как с такой же открытой и рассеянной сетевой конфигурацией власти и желания.

Любопытно, что социальные сети в России, внешне воспроизводя каноны сетевой демократии, неминуемо вынуждены заниматься ревизией советского прошлого и коммунистического наследия (многочисленные группы в «Контакте» как раз

мобилизуют пользователей под реваншистскими лозунгами возвращения к Советскому). Экспансию социальных сетей на Западе в 1970-90-ые годы Мануэль Кастельс связывает с тремя синхронными, но разнонаправленными процессами (Castells 2004, 15): утверждение системы неолиберального корпоративного капитализма, студенческие бунты 60-х и научно-техническая революция, открывшая эру *информационализма* (термин Кастельса), компьютеризации и миниатюризации (Castells 2004, 15-21; Castells 2000). Социальные сети в России являются продуктами не этих глобальных и многофазовых процессов, а специфических социально-исторических условий (см. Castells, Kiselyova 2003). Во-первых, смены советской экономики тотальной дефицита программой (в том числе идеологической) свободного неуправляемого рынка. Во-вторых, сохранения утопической веры в коллективное строительство (раннее – коммунистического, сейчас – сетевого) земного Рая.

Чтобы быть совсем корректным, политическое измерение социальных сетей в России возможно отнести к сфере *биополитического производства* (в том ракурсе, как ее понимали Мишель Фуко, а позднее теоретики итальянской Автономии и нематериального труда Паоло Вирно, Мауриццо Лаззарато, Антонио Негри и Майкл Хардт (Foucault 2007; Вирно 2009; Вирно, Hardt 2006; Negri, Hardt 2001)). Социальные сети оказываются максимально удобной зоной приложения того типа властных отношений, который Фуко называет «управляемостью» (governmentality). Требования власти не группируются в устойчивые системы приказов и запретов, а прописываются подобно невидимым кодам, задавая те поведенческие модели, с помощью которых пользователи пытаются зарекомендовать себя в избранном ими социальном «анклаве» или сегменте сети. Очевидно, такой повсеместный принцип управляемости и порождает в социальных сетях эффект виртуальной цензуры, о котором уже говорилось выше. Незаметно для миллионов доверчиво регистрирующихся интернавтов (в компьютерном слэнге 1990-2000-х годов обозначение профессионального пользователя, постоянно «серфингующего» по Интернету), социальная сеть выступает замаскированным орудием идеологического воспитания и промывки мозгов, незримого «вдалбливания» буржуазных ценностей гедонистического конформизма и формирования представления о полной безальтернативности навязанных жизненных схем.

Учитывая властные интересы и притязания корпоративного менеджмента, социальные сети становятся местом осуществления агрессивного брендинга и навязчивого product placement'a, то есть множества рекламно-маркетинговых стратегий, призванных привлечь потенциального потребителя. Пиар-агенты и менеджеры по продажам не забывают, что многие социальные сети обзавелись логотипами и тулбарами для основных браузеров, соревнуясь в частоте обращений с самыми востребованными поисковыми системами. Обращаясь к мессенджеру какой-либо социальной сети, пользователь неизбежно натывается на баннерную или контекстную рекламу, предлагающую услуги салона красоты или агентства грузоперевозок. Перед пользователем социальной сети при этом возникает трудноразрешимая дилемма – воспринимать ли свои коммуникативные траектории как спланированные (опытным менеджерским персоналом) рыночные операции, или как

выстраивание приватного круга общения, который сплочен внезапными и часто необъяснимыми симпатиями, а не диктатом финансовой выгоды.

Опять же, не стоит забывать о технологическом аспекте социальных сетей – пользователь, заводя себе личную страницу, по сути, обустривает собственную искусственную среду, делая его сколь угодно помпезным, лиричным или кичевым. По точному замечанию Барри Веллмана, социальная сеть позволяет внутри киберпространства разграничить свое уникальное кибер-место, где индивидуум остается наедине с тревожащими его фантазмами или неутоленными потребностями (Wellman 2001, 18; Wellman 1999). Редактируя до бесконечности профиль на странице авторизации в социальной сети, пользователь задает какие угодно желаемые параметры своего аватара, или даже нескольких аватаров (здесь имеется в виду искусственный, сконструированный самим пользователем его образ в глобальной сети). Получаемый в итоге кибернетический двойник (или двойники) порой предстает куда совершенней и сексапильней, чем реальная материально-физическая оболочка.

Отсюда возникает распространенный эффект кибер-аддикции, когда он-лайнковая коммуникация сразу в нескольких социальных сетях под разными логинами полностью упраздняет необходимость в офф-лайнном общении с друзьями и знакомыми, кажущимся теперь чем-то пресным и заурядным. Разумеется, техно-романтизм и техно-утопизм, связанные с несколько инфантильным упованием на то, что киберпространство произведет радикальную трансформацию человеческого, остались в прошлом, практически не оправдав своего пафоса. Но и сегодня компьютерные социальные сети притягивают своим статусом *альтернативных территорий свободы*, позволяющих в Интернете опробовать недоступные в реальности пути самореализации или построения нестандартной идентичности, а то и достичь нового онтологического статуса (об онтологизме социальных сетей см. Мика 2007, 194-197). Правда, не следует забывать, что в современном обществе *мода на альтернативность* встроена в логику культурного потребления, которая спускается сверху медиальной пропагандой, буквально пронизывающей русские социальные сети.

Социальные сети: бегство в прошлое или рывок в будущее?

Благодаря сочетаемости трех измерений или трех ипостасей социальных сетей – *политического, маркетингового и технологического* – в них формируется особая, инновационная культура сообществ, ставящая во главу угла скользящую сетевую идентичность. Действительно, в социальных сетях спонтанно складываются маневренные сообщества, для характеристики которых следует подыскать максимально адекватный, исчерпывающий эпитет. Напомним, что в 1980-90-ые годы появляется ряд фундаментальных и революционных сочинений (например, книги Жан-Люка Нанси «Неработающее сообщество» (1983) и «Конфронтующее сообщество» (2001), Мориса Бланшо «Неописуемое сообщество» (1983), Джорджо Агамбена «Грядущее сообщество» (1993)), где сообщество трактуется подобно сокровенной и социально бесцельной близости индивидуумов, в силу своей таинственной сокрытости производящей невиданные, революционные смыслы. Сообщество фундировано взаимным притяжением, не предполагающим какие-либо побудительные мотивы

(поэтому Бланшо в качестве идеала называет «сообщество любовников»). Чем менее артикулированы эти мотивы, чем чище и экстатичней радость от узнавания другого, тем крепче и надежней спаяно сообщество в его неопишемости, в его неузнаваемости для самого себя.

Консолидация интернет-сообществ, образующихся в русских социальных сетях, зачастую происходит не в силу избытка увлеченности Другим, а, наоборот, по причине ощутимой нехватки социальных гарантий и этики взаимопомощи вовне. Иными словами, добавляя в друзья сетевых собеседников (нередко без разбора), пользователь тем самым компенсирует травматическое для него отсутствие социального отклика и востребованности, отсутствие того социального пространства, где с другими его объединяли бы прагматика общего дела или экстаз нахождения схожих кумиров и увлечений. Здесь может пригодиться термин, предложенный известным социологом Львом Гудковым для диагностики политического климата и стратегий субъективации в постперестроечной России – а именно, негативная идентичность (Гудков 2004). Прекрасно отдавая себе отчет, что этот термин описывает именно несетевую, предельно разобщенную и расслоенную структуру социального поля, я все же рискну предложить его для характеристики русского Интернета, где фактор отсутствия взаимной координации почти столь же (если не более) силен, что и компонента сетевой сплоченности.

Под этим емким понятием Гудков подразумевает модель солидарности от противного: когда люди однозначно отказываются от индивидуальных решений, карьерных усилий и частных инициатив, всецело рассчитывают на механизмы государственного патернализма. При этом они возлагают вину за свою несостоятельность на мифические, часто внешние враждебные силы (ментов, евреев, коммунистов, неонацистов или кавказцев) и вдобавок проявляют полную атрофию способностей к конструктивному взаимному сотрудничеству. Носитель негативной идентичности полагает себя неотъемлемой частью некогда монолитного коллективного «мы»; его социальное фиаско обусловлено трагической расколотостью этого великого и героического единства, от которого он не в состоянии себя терапевтически отделить. Собственно, социальные сети предстают апофеозом негативной идентичности, поскольку пользователь, с одной стороны, реализует себя только будучи включенным во множественные цепочки дружеских связей и контактов, а, с другой стороны, эта самореализация является выдуманной иллюзией в виду отсутствия какого-либо заявленного коллективного проекта. Сообщество, обреченное исключительно на архивирование информации и обмен эмоциональными статусами, вынужденно выступает в амплуа *негативного сообщества*. Таким образом, российские социальные сети при всей их развлекательной направленности кристаллизуют те болезненные моменты национальной самоидентификации, что смотрятся особенно заостренными при переносе их в сферу виртуального общения.

Безусловно, культивирование подобного типа идентичности требует выработки особой стилистики, нейтральной и опознаваемой, освобожденной от усложненного интеллектуального содержания и лишенной иронического или контркультурного подтекста. Манера изъясняться, усвоенная в социальных сетях при написании сообщений или при редактировании профиля пользователя, отталкивается от

нескольких уже теряющих в актуальности стилей компьютерного письма. Во-первых, от чересчур литературоцентричного, подчас ернического и излишне театрализованного стиля русской блогосферы, главным образом, LiveJournal. Во-вторых, от вычурных сленговых новообразований типа пресловутого языка «падонкафф» с сайта «udaff.com» или «вирусного» сленга Упячка (<http://www.uryachka.ru/>), из контр-культурной хохмы превратившихся в щеголеватый жаргон менеджеров. В-третьих, от прилизанного и гладкого языка престижной интернет-публицистики, с появлением которой в начале 2000-х связывался ряд надежд на тематическое обновление и «перезагрузку» русских медиа, но которая в середине десятилетия стала исполнять роль лаконичных комментариев к фото и видеоматериалу (стандартное требование к контенту новостных и развлекательных ресурсов – максимум изображения и минимум текста). Стилистика общения в социальных сетях стремится к выработке безавторского, унифицированного стандарта сетевой коммуникации, который бы блокировал любое преобразовательное усилие и одновременно создавал бы иллюзию интенсивного обмена мнениями в якобы толерантной сетевой среде. Попутно с понятием «негативное сообщество» относительно к русским социальным сетям возможно ввести понятие «*негативная стилистика*».

Но, парадоксальным образом, сниженный, профанированный стиль блоггинга, намеренно отказывающийся от категории литературной правильности, вдруг оказался буквально пропитан и «корруптирован» неизжитыми элементами высокой литературной мифологии, к которой блоггер вынужден апеллировать в силу инерционности русского литературоцентричного сознания. Между гибридизированной «пародийно-возвышенной» стилистикой блогов и лаконично-фрагментарным способом общения в электронных социальных сетях без труда может быть обнаружено кардинальное различие; вопрос, будет ли это различие «схлопываться» или, наоборот, разрастаться – пока что дискуссионный повод для противоречивых прогнозов.

Кроме того, на мой взгляд, первоочередная задача большинства социальных сетей в России (особенно «Одноклассников») – не проектирование будущего, а документирование и архивирование прошлого. Прагматическая значимость социальных сетей в том, что они позволяют после долгой разлуки внезапно обнаружить старую любовь, одноклассников или однокурсников, давно выбывших из поля зрения, но представляющих интерес в плане жизненной конкуренции: интересно сопоставить, как разошлись и сложились личные судьбы или профессиональные карьеры. Социальные сети позволяют разместить семейные альбомы с фотографиями, запечатлевшими детские годы, период взросления, представительские обеды с коллегами по работе или перипетии отпуска, проведенного на экзотическом курорте. Таким образом, если западные, т.е. глобальные социальные сети помогают скоординировать планы и перспективы на ближайшее будущее, производя виртуальную репетицию реального события, то русские социальные сети способствуют своеобразному ностальгическому воскрешению имен и явлений, отнесенных в прошлое.

Нюанс в том, что социальные сети позволяют восполнить и преодолеть травматический разрыв с прошлым путем его вторичного фантазматического проживания. Восприятие минувшего подобно пустотному зиянию обрело ряд авторитетных толкований в философском дискурсе XX века – от тезисов «О понятии истории» (1940) Вальтера Беньямина до работ Мишеля Фуко «Ницше, генеалогия, история» (1971) и «Бытие и событие» Алена Бадью (1988). При разговоре о социальных сетях важно учитывать, что, организуя своеобразное «путешествие в прошлое» путем обнаружения заново его свидетельств и его фигурантов, они, тем не менее, держат это прошлое «подвешенным» в виде непреодолимого отсутствия.

В своем фундаментальном исследовании русского постмодернизма «Паралогии» (2008), Марк Липовецкий указывает на один из конститутивных признаков русского (пост)исторического сознания – а именно слипание и неразличение потери и отсутствия (здесь Липовецкий опирается на трактовку травматического дискурса, предложенную Домиником Ла Капра (LaCapra цит. по Липовецкий 2008, 100). Русские социальные сети проблематизируют и заостряют вопрос, является ли коллективное прошлое чем-то коллективно утраченным, или оно может быть приравнено к изначальному отсутствию, то есть его никогда и не было в том виде, как его помнят? Помимо этого, социальные сети выявляют ту особенность русского менталитета, которую Борис Гройс (правда, при описании сталинизма) называет «логикой парадокса» или соединением несоединимого (Гройс 2007). В мире социальных сетей идилическое (или идеализированное) прошлое и желаемое утопическое будущее могут быть построены и достигнуты только постольку, поскольку они остаются равно отсутствующими и недостижимыми. Таким образом, в русских социальных сетях изобретается особый тип историзма, который, с учетом вышесказанного, также может быть назван «негативным», поскольку он не предполагает отнесенность и пристегнутость сетевой идентичности к какому-либо определенному историческому моменту или длительности.

Итак, негативная идентичность, негативное сообщество, негативная стилистика и негативный историзм – вот несколько опознавательных знаков русских социальных сетей, тем не менее, не исключают их потенциальное позитивное значение для производства новых, сетевых форм субъективности. Помимо этого, социальные сети служат индикаторами тех неблагоприятных, или попросту говоря, опасных тенденций, которые маркируют (временами нераздельную) властную и культурную риторику в современной России и остро нуждаются в историческом и этическом осмыслении. Здесь имеются в виду изоляционистские и государственнические воззрения и мифы, культивируемые и насаждаемые про-кремлевскими идеологами, а также культурный шовинизм и ура-патриотические настроения, нарастающие «снизу», в массах интернет-пользователей, приспособивших локальные сети для распространения (а то и для пропаганды) сугубо местных идиосинкразий. Скажем так, социальные сети выявляют то «распутье», на котором находится русская социальность в целом: между постколониальной сырьевой экономикой и постиндустриальной экономикой знаний, между корпоративной охраной копирайта и пиратским, беспрепятственным распространением информации peer-to-peer. Социальные сети – стратегические производные системы «когнитивного капитализма» (о котором много размышляли

Андре Горц и Бернар Польрэ). Возможно, они сумеют модернизировать российский сырьевой капитализм с его цинично выстроенной вертикалью власти, наделить его большей открытостью, ответственностью и уважением к запросам и ожиданиям различных сетевых аудиторий – как технологически-продвинутой, так и пока что не имеющей постоянного доступа к электронным сетям.

Литература

- Althusser, Louis. "Ideology and Ideological State Apparatuses," in *Ideology*, edited by Terry Eagleton. London: Longman, 1994, pp. 89-111.
- Andersson, Jonas. "For the Good of the Net: The Pirate Bay as a Strategic Sovereign," *Cultural Machine* 10 (2009) <http://www.culturemachine.net/index.php/cm/article/view/346/359> (accessed 20 July 2009).
- Castells, Manuel. *The Rise of the Network Society*, 2nd ed. Oxford: Blackwell, 2000.
- . "Informationalism, Networks, and the Network Society: A Theoretical Blueprint," in *The Network Society. A Cross-Cultural Perspective*, edited by Manuel Castells. Cheltenham, UK: Edward Elgar, 2004, pp. 3-48.
- Castells, Manuel and Emma Kiselyova. *The Collapse of the Soviet Union: The View from the Information Society*. Los Angeles: Figueroa Press, 2003.
- Foucault, Michel. *Security, Territory, Population (Lectures at the College De France)*. Basingstoke, UK: Palgrave Macmillan, 2007.
- Galloway Alexander R. and Eugene Thacker. *The Exploit: A Theory of Networks*. Minneapolis, London: University of Minnesota Press, 2007.
- Lacan Jacques. *Ecrits*. Paris: Editions du Seuil, 1966.
- LaCapra Dominick. *Writing History, Writing Trauma*. Baltimore: The John Hopkins University Press, 2001.
- Mika, Peter. *Social Networks and the Semantic Web*. Barcelona: Springer, 2007.
- Negri, Antonio and Michael Hardt. *Empire*. Cambridge, London: Harvard University Press, 2001.
- Omel'chenko, Elena and Ul'iana Bliudina. "On the Outside Looking In? The Place of Youth in Russia's New Media and Information Space," in *Looking West: Cultural Globalization and Russian Youth Cultures (Post-Communist Studies)*, by Elena Omel'chenko, Moya Flynn, Ul'iana Bliudina, and Elena Starkova. University Park, PA: The Pennsylvania State University Press, 2002, pp. 21-49.
- O'Reilly, Tim. "What is Web 2.0." O'REILLY, 2009. <<http://oreilly.com/web2/archive/what-is-web-20.html>> (accessed 19 July 2009).
- Vartanova, Elena. "The Russian Network Society," in *The Network Society. A Cross-Cultural Perspective*, edited by Manuel Castells. Cheltenham, UK: Edward Elgar, 2004, pp. 84-98.
- Virno, Paolo. "Natural-Historical Diagrams: The 'New Global' Movement and the Biological Invariant," in *The Italian Difference: Between Nihilism and Biopolitics*, edited by Lorenzo Chiesa and Alberto Toscano. Melbourne: re.presse, 2009, pp. 131-148.

- Virno, Paolo and Michael Hardt. *Radical Thought in Italy: A Potential Politics*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2006.
- Wellman, Barry. *Networks in the Global Village: Life in Contemporary Communities*. Boulder: Westview Press, 1999.
- . “Physical Place and Cyberplace: The Rise of Networked Individualism,” in *Community Informatics: Shaping Computer-Mediated Social Relations*, edited by Leigh Keeble and Brian D. Loader. London, New York: Routledge, 2001, pp. 17-42.
- Алексрома. “Сетера и Литера.” *Сетевая словесность*, 1997. <<http://www.netslova.ru/teoriya/cet-lit.html>> (accessed 21 July 2009).
- Андреев, Алексей. “СЕТЕРАтура как ее NET: от эстетики Хэйана до клеточного автомата – и обратно.” *Сетевая словесность* (1997) (опубликовано 3 февраля 1998 г.). <<http://www.netslova.ru/andreev/setnet/>> (accessed 21 July 2009).
- Горц, Андрэ. “Знание, стоимость и капитал. К критике экономики знаний.” *Логос* #4 61 (2007). <<http://www.intelros.ru/readroom/1970-logos-4-61-2007.html>> (accessed 15 July 2009).
- Горчев, Дмитрий. “Сетература.” *Сетевая словесность*(1997) (опубликовано 23 мая 2000 г.). <<http://www.netslova.ru/gorchev/seteratura.html>> (accessed 21 July 2009).
- Гройс, Борис. *Коммунистический постскрипtum*. М.: Ad Marginem, 2007.
- . *Под подозрением. Феноменология медиа*. М.: Художественный журнал, 2006.
- Гудков, Лев. *Негативная идентичность. Статьи 1997-2002*. М.: Новое литературное обозрение, 2004.
- Караковский, Алексей. “История и практика сетевой литературы.” *Сетевая словесность*, 1997 (опубликовано 25 мая 2005 г.) <<http://www.netslova.ru/karakovski/rulinet.html>> (accessed 21 July 2009).
- Липовецкий, Марк. *Паралогии. Трансформации (пост)модернистского дискурса в русской культуре 1920-2000-х годов*. М.: Новое литературное обозрение, 2008.
- Майзель, Евгений. “Живой Журнал словами писателей.” *Русский Журнал*, 19 декабря 2003 г. <http://old.russ.ru/krug/20031219_em.html> (accessed 19 July 2009).
- Пищикова, Евгения. “Поцелуй помидор. Кто и зачем сидит на «Одноклассниках».” *Русская жизнь (Август)* № 15 (32) (2008). <<http://www.rulife.ru/mode/article/862/>> (accessed 10 July 2009).
- Шмидт, Энрике. “Литературный русскоязычный интернет: между графоманией и профессионализмом.” *Сетевая словесность*, 1997 (опубликовано 28 мая 2001 г.). <www.netslova.ru/schmidt/liternet.html> (accessed 21 July 2009).